

Е. М. ПОПОВА

*Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)*

Следственная процедура в Великом Новгороде начала XVII в.: опыт изучения некоторых отписок воевод

Статья посвящена рассмотрению следственного процесса в Новгородской земле в 1616 г. на основе отписок местных воевод, хранящихся в Архиве Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук (СПБИН РАН). Автор освещает информационный потенциал отписок воевод как разновидности исторического источника, что является актуальным и значимым для изучения событий Смуты в Великом Новгороде, поскольку большинство судебных документов этого периода не сохранилось. В ходе анализа материалов установлено, что отношение русско-шведской администрации к положению дел в Великом Новгороде к концу оккупационного режима не изменилось. Показано, что отписки дают информацию о преступлениях, личностях подозреваемых и дальнейших инструкциях властей. Отмечается, что, несмотря на понимание русско-шведской администрацией шаткости своего положения, судебная система продолжала функционировать.

Ключевые слова: шведская оккупация, Великий Новгород, следственный процесс, грабеж, Якоб Деллагарди.

Финансовая поддержка: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 19–18–00183.

В начале XVII в. началось Смутное время в России, которое на долгие годы дестабилизировало ситуацию в стране. На местах ослабевали позиции центральной власти, что приводило к приходу к власти самозванцев¹ или созданию неподконтрольных Москве администраций. Одним из обособившихся центров стал Великий Новгород и Новгородская земля, которые были оккупированы шведским военным корпусом во главе с Якобом Деллагарди.

¹ См., напр.: Тюменцев И. О. Органы государственного управления в Тушине в 1608–1610 гг. // Средневековая и Новая Россия. СПб., 1996. С. 403–423.

Для управления территорией было сформировано шведско-новгородское правительство, функционировавшее с 1611 по 1617 г., до подписания Столбовского мира, вывода шведских войск и передачи оккупированных территорий (Новгорода, Старой Русы, Порхова с уездами, Сумерской волости, Ладого с уездом, Гдова) обратно под власть Москвы². Данный административный аппарат можно считать компромиссным ввиду того, что в делопроизводстве Новгорода 1611–1617 гг. сохранялись московские традиции ведения дел и документации³.

На протяжении всей шведской оккупации в городе активно работали общественные заведения (кабаки, бани), велось делопроизводство, сохранялись торговые отношения и т. д.⁴, что, в принципе, говорит об относительной стабильности общественной жизни Новгородской земли в период Смуты. Однако происходили и кражи, грабежи, убийства, прочие действия уголовного характера. Несмотря на высокий интерес ученых к данному периоду Новгородской истории⁵, аспект, связанный с судебной системой и криминогенной обстановкой в Великом Новгороде в период шведской оккупации, по-прежнему остается малоизученным. К отдельным вопросам, посвященным функционированию судебной системы, обращались такие исследователи, как А. Шёбрег, А. Селин, Н. Безус, которые в основном сосредотачивали внимание на размерах и количестве судебных пошлин⁶, осуществлении следственной процедуры⁷ и характере преступлений⁸.

В большинстве своем историки обращались к документам, хранящимся в Новгородском оккупационном архиве⁹, в котором, к слову, следствен-

² Рабинович Я. Н. Джон Меррик на переговорах в Ладого 1616 г. // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер.: История. Международные отношения. Вып. 1. С. 98.

³ Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011. С. 306.

⁴ Nordlander I., Sundberg H. The Novgorod taverns during the Swedish occupation // Stockholm Slavic Studies. 1995. Vol. 24. P. 139.

⁵ Болдырев П. В., Кончакова Е. М. Шведское присутствие в Великом Новгороде начала XVII в. в свете современной российской историографии // Новгородский исторический сборник. Вып. 15 (25). 2015. С. 175–182.

⁶ Sjöberg A. Three judgment books in the Novgorod occupation archives 1611–1617 // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. Vol. XXXI–XXXII. P. 399–404.

⁷ Безус Н. Б. Из истории становления судебной власти в России (на примере Новгорода) // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия «Государство и право». 2011. № 14. С. 43–52; Она же. Влияние шведской оккупации начала XVII века на развитие судопроизводства в России // Страны Балтии и русский северо-запад: исторический опыт взаимодействия. Великий Новгород, 2018. С. 159–152.

⁸ Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 107–111.

⁹ Riksarchivet, Ockupationsarkivet från Novgorod. SE/RA/2403.

ных дел отложилось немного¹⁰. Однако для выявления более полной картины состояния судебной системы в Новгороде в период шведского присутствия требует изучения часть материалов судебного характера начала XVII в., находящихся в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (СПБИИ РАН). Наше внимание привлекли отписки воевод, связанные с делом об ограблении судна английского посла на реке Луге. Они датируются 1616 г., одна из них написана от лица Якоба Деллагарди и адресуется ивангородскому воеводе Федору Аминеву, две являются ответом Ф. Аминева Анцу Бою и Я. Деллагарди, еще одна отписка ямского воеводы Никиты Калитина адресована новгородскому воеводе Я. Деллагарди¹¹. Только один из указанных документов был опубликован ранее¹². Все отписки представляют собой подлинники на одном-двух листах, оформленные хорошим канцелярским почерком, со схожей смысловой структурой, которую условно можно разделить на четыре составных части: первая — обращение к адресату и изложение уже имеющихся данных по судебному делу; вторая — конкретные предпринятые меры, расспросные речи; третья — ближайшие перспективы расследования; четвертая — итоговая, промежуточные выводы и констатация дальнейших действий.

Анализ делопроизводственной документации XVII в. нередко показывает, что то или иное историческое событие восстановить полностью крайне сложно (особенно, если это касается судебного дела) в силу не столь существенного количества дошедших до нас документов. В связи с чем нам бы хотелось выяснить, насколько полную информацию могут дать отписки воевод, насколько они применимы в качестве самостоятельных исторических источников. Также важно попутно хотя бы частично реконструировать характер протекания следственной процедуры к концу оккупационного режима, выявить какие-либо изменения в практиках поддержания порядка со стороны русско-шведской администрации.

После избрания Михаила Романова в 1613 г. на русский престол характер русско-шведских отношений стал меняться в сторону осложнения, все острее возникал вопрос о возвращении Новгорода и новгородских земель в состав России, а также о подписании мира между двумя странами. Вести русско-шведские переговоры должен был английский посол

¹⁰ Попова Е. М. «Дело разбойное»: за что судили новгородцев в конце XVI — начале XVII в. // Новгородика-2018. Великий Новгород, 2018. Т. 2. С. 21.

¹¹ Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (СПБИИ РАН). Кол. 124. Оп. 1. Карт. 4. Д. 661; Д. 659; Д. 580; Карт. 1. Д. 660.

¹² Попова Е. М. К вопросу о природе разбоев в Новгородской земле в Смутное время // Ученые записки УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова». Витебск, 2018. Т. 28. С. 65–69.

Джон Меррик. Он прибыл в Россию летом 1614 г. и оставался в связи со своей миссией здесь, преимущественно в Москве, вплоть до заключения мирного договора. Все это время его судно находилось в новгородских водах (на реке Луге). Воспользовавшись этой ситуацией, новгородские крестьяне «то судно розгромили и посолскую рухлядь розграбили»¹³. В документах присутствует информация о том, что именно было украдено: «посолские суды серебряные и платье, и всякой посолской запас»¹⁴, «да шубу выдряную немецкую, да две юпки, да попону лошадиную, да штаны немецкие черная, да полог браной, да сермяга ветшаная, да скатерть ветшаная, да сукна ормянного, да белого локоть с пятнатцеть, да юпка немецкая драная»¹⁵. Однако наибольший интерес, конечно, представляли письма и книги посла¹⁶.

В ходе следственных мероприятий удалось установить, что новгородские крестьяне пришли лишь «добирать», а ограбили судно английского посла псковские шарпальники: «а приходили де шарпальники изо Пскова атаман Прошка Хромой, а с ним казаков тринатцат человек. А сумерских де, государь, мужиков с теми казаки не было. И как де они то судно розгромили и посолскую рухлядь розграбили, и они де назавтрее ходили побирать досталные рухляди, чево они с собою не подняли»¹⁷. Новгородскими властями, несмотря на социальный и территориальный статус преступников, была поставлена задача найти всех виновных и изъять краденое имущество.

Из источников видно, что само преступление произошло в 1615 г., а следственные мероприятия были начаты только в следующем году, предположительно в марте, о чем свидетельствует бегство фигурантов дела¹⁸. Однако наиболее активно сыск стал разворачиваться к маю 1616 г., так как именно в это время местные воеводы получили отписки от Делагарди (из текста становится ясно, что и Никита Калитин уже получал грамоту от Делагарди, его отписка является ответом новгородскому воеводе)¹⁹. Проходившие параллельно с этими событиями русско-шведские переговоры при участии иностранных послов в Деде-рино не привели ни к какому результату. Всю весну и лето стороны осуществляли активные военные кампании друг против друга, а к июлю 1616 г. шведы решили отправиться в поход на Псков, что ставило под

¹³ Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 659. Л. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Д. 580. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 2.

¹⁷ Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 659. Л. 1.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 660. Л. 1.

удар сам факт дальнейшего ведения дипломатических обсуждений. Меррик не был доволен подобным положением дел и намекал об этом шведской стороне²⁰. В историографии неоднократно отмечалась заинтересованность английской стороны в помощи России, обусловленная стремлением добиться ряда торговых уступок²¹.

Из документов становится понятно, что поиск разворачивался на территориях Шелонской и Водской пятин, которые были разделены рекой Лугой, на берегу которой стояло английское судно. На сыск грабителей Делагарди привлек ивангородского и ямского воевод Федора Аминева и Никиту Калитина, а также требовал отчитываться лично ему и отправлять всех виновных на допрос в Новгород. Далее в дело вступал воеводский суд — главная судебная инстанция на уровне региона, занимавшаяся рассмотрением ключевых, наиболее резонансных дел²². Примечательно, что судебные процессы с участием воевод, в том числе самого Якоба Делагарди, в период шведского присутствия встречаются крайне редко. Так, заинтересованность высшего эшелона власти в отправлении правосудия наблюдается в связи с наиболее серьезными преступлениями, такими как государственные измены²³ или связь с политическими противниками²⁴. Рассматриваемые нами обстоятельства связаны с разбойными действиями в отношении иностранцев, что также попадает под категорию тяжких уголовных преступлений.

Интересно ознакомиться с инструкциями, которым необходимо было следовать воеводам в отношении подозреваемых. В ходе сыскных мероприятий следовало вести расспросы населения, всех виновных необходимо было найти и допросить, в том числе с применением физического

²⁰ Рабинович Я. Н. Джон Меррик... С. 95.

²¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения: в 18 кн. Т. 9–10. М., 1995. Кн. V. С. 71–72.

²² Безус Н. Б. Из истории становления судебной власти... С. 48.

²³ В данном случае мы используем категорию «государственная измена», предложенную А. А. Селиным. Подробнее см.: Селин А. А. Новгородское общество... С. 107–111. В этом смысле к числу соответствующих преступлений можно отнести события, отраженные в ряде документов: Допросные речи в доме Парфения и Самойла Нарбековых об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Федора Одинцова и подьячего Ивана Лазорева // Rikssarhiv (Sweden). Novgorod Occupation Archives (RA, NOA). Serie II: 245. Л. 1–3; Допросные речи в домах Угрима и Богдана Лупандиных об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Андрея Неелова и подьячего Ждана Максимова // RA, NOA. Serie II: 245. Л. 4–7; Допросные речи в доме князя Юрия Мещерского об отъезде хозяина из Новгорода по сыску Алексея Аврамовича Колычева // RA, NOA. Serie II: 245. Л. 8.

²⁴ Дело по письму князя Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева о незаконной торговле людей Старорусского уезда Должинской волости и Порховского уезда дворцовых сел с псковскими людьми // RA, NOA. Serie II: 20. Л. 1–17; Расспросные речи новгородцев про дела в Москве, Смоленске, Пскове // RA, NOA. Serie II: 39. Л. 1, 4.

воздействия, их показания записать. Если при дознании определялись лица, не фигурировавшие ранее в деле, их также нужно было разыскивать. После расспроса и пыток причастные к делу должны были содержаться в тюрьме до особого распоряжения Делгарди. Некоторых фигурантов в июне 1616 г. на расспрос отправили непосредственно в Новгород: «а как приведут и мне б тех воров, у кого тот посолскою запас сыщут, прислати к тебе, великому боярину, в Новгород вскоре с немецкими людьми, которые пойдут в Великий Новгород»²⁵. На поиски преступников были отправлены солдаты: «а посылали в Сумерскую волость салдацкого лютмана Ивана с салдаты, а салдат с ним 20 человек по тех воров»²⁶. Подобная ситуация в Новгороде в период 1611–1617 гг. встречается впервые, поскольку обычно на следственные дела и поиски преступников отправлялись старосты с приставами, иногда и священнослужителями²⁷.

Все найденное имущество английского посла, вещи, так называемую посольскую рухлядь, необходимо было изымать и хранить в казне до особого распоряжения: «а что рухляди посольские сыскано, и ту б рухлядь по тому ж держал в государеве королевской казне»²⁸. Однако наибольший интерес представляли поиски бесследно исчезнувших после ограбления судна книг и писем Меррика. В случае обнаружения столь важных документов следовало, чтобы «грамоты и книги, у тех крестьян собраны, и положены в короб и схоронены»²⁹. Вместе с тем последняя по датировке отписка Делгарди к Федору Аминеву, известная нам, свидетельствует, что посольская переписка все еще не была найдена³⁰.

Подводя итог, можно отметить, что отписки воевод могут считаться полноценным самостоятельным источником при изучении административно-политической и судебно-правовой системы Московского государства начала XVII в. С помощью этих документов можно установить, когда и где было совершено преступление, кто к нему причастен (поименно), с указанием места жительства. В материалах отложи-

²⁵ Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 659. Л. 1.

²⁶ Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 660. Л. 1.

²⁷ Память Якоба Делгарди и Ивана Никитича Большого Одоевского пятиконецкому старосте Докучаю Сласнищину с товарищами о проведении расследования о финансовых делах Мокейки и Якова Крена // RA, NOA. Serie II: 327. Л. 1–6 об.; Дело по челобитной подьячего Микифора Коптева и лебедчика Третьяка Яколцова об ограблении и убийстве дворцовыми крестьянами сельца Двориц строителя Леохнова монастыря Андроника // RA, NOA. Serie II: 122. Л. 10–11.

²⁸ Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 4. Д. 661. Л. 1.

²⁹ Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 660. Л. 1 об.

³⁰ Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 4. Д. 661. Л. 1.

лась информация о должностных лицах, на которых возлагалась обязанность заниматься следственными мероприятиями. Важным элементом являются инструкции вышестоящего эшелона власти своим представителям на местах относительно действий с задержанными преступниками и найденным у них имуществом. Безусловно, отписки не дают полной информации о завершении судебного разбирательства, о мерах наказания и т. д., так как являются лишь промежуточным звеном в сложной цепи следственного процесса. Однако, ввиду особенностей московского делопроизводства, отдельные документы позволяют в значительной степени восстановить картину того или иного события, формулировать промежуточные выводы. Дело об ограблении судна английского посла стало крайне важным для шведско-новгородских властей, так как на поиски виновных были брошены ощутимые силы, а само преступление попало под юрисдикцию воеводского суда и было поставлено под контроль Делагарди. На наш взгляд, это было связано не только с собственно важностью данного дела, но и с тем, что русско-шведский административный аппарат по-прежнему работал, выполняя свои ключевые функции. Несмотря на то что в 1616 г. период оккупации Новгорода подходил к концу, шведско-новгородские власти все еще были заинтересованы в сохранении порядка на подконтрольной территории.